

УДК 821.161.1
ББК 84(2)

СЕРГЕЙ БУШМАНОВ

ХОЛОД

Бушманов С.

Холод. — М.: Paulsen, 2012. — 144 с.

ISBN 978-5-98797-048-5

Дебютная повесть «молодого» автора — яркое описание жизненных перипетий беспризорного подростка, путешествующего по бывшему Советскому Союзу в начале и середине 90-х годов.

Дикая, запущенная, отчужденная от человека земля. Полная свобода и холод, возникающий внутри от столкновения с жесткими проявлениями окружающей жизни.

В своих бесконечных странствиях герой встречает первую дружбу, первую любовь, первый раз в жизни наблюдает смерть, много раз с трудом ускользает от разнообразных опасностей. Через несколько лет повзрослевший герой книги в одиночку отправляется в свое последнее путешествие. Именно там, в Арктике, на краю света, на границе жизни и смерти он обнаруживает в глубине души искреннее желание жить, находит новый смысл своего существования.

©Бушманов С., 2012
©Paulsen, 2012

Paulsen

До океана оставалось два дня пути.

Если бы не цепь сопок, протянувшаяся вдоль океана на сотню километров, словно полоса препятствий, то я был бы на берегу уже завтра к вечеру. Постоянные спуски и подъемы на заснеженные склоны отнимали много времени и сил.

... Одолев очередной подъем, я отстегнул от поясного карабина сани и присел на них отдохнуть.

Позади меня на многие десятки километров раскинулась тундра. С этой высоты — чуть более двухсот метров над уровнем моря — пространство напоминало огромный белый ковер со складками оврагов и холмов. Это была последняя высота, спуск с нее плавно переходил в протяженную прибрежную равнину, идти по которой было уже одно удовольствие.

Я не ожидал увидеть здесь дорогу: места были глухие и необжитые. Тем не менее она тут была. Из ниоткуда в никуда по снежной целине протянулась мерзлая колея. Вдоль нее с интервалом примерно в километр стояли ржавые, старые бочки. Поставлены они были уже давно и скорее всего служили ориентирами тем, кто с первыми морозами прокладывал здесь путь.

После многих дней белого вакуума любое темное тело надолго притягивает к себе взгляд. Глаза спотыкаются о его вещественную природу, останавливаются на нем, отдыхают на его привычной и твердой структуре — бочка или какая-нибудь палка, вкопанная неизвестно кем и неизвестно когда, на некоторое время становятся центром этого однообразного мира.

Я решил остановиться у дороги на пару часов. Надо было натопить воды и приготовить поесть.

Котелок попрыгивал на огне, наполняя палатку приятным запахом гречневой каши, когда вдали послышался механический шум. Я закрутил горелку, надел рукавицы, шапку и выбрался наружу.

Вездеход остановился, качнувшись по инерции вперед. Это была не обычная серийная машина — позади у нее вместо кузова была сделана будка. Будка, очевидно, была жилая, поскольку имела маленькие и круглые, словно иллюминаторы самолета, окна и торчащую из крыши печную трубу. Там же, на крыше, были привязаны какие-то длинные мешки, похожие на завернутые в тряпки толстые бревна.

— Здоров! Ты чего тут? — спросил водитель вездехода, высунувшись по пояс из люка на крыше кабины. Одет он был в комбинезон болотного цвета, а на голове имел танковый шлем.

— Обедаю, — коротко ответил я, поздоровавшись.

— А-а, — протянул он, посмотрел на палатку. — Сам откуда? Далек идешь?

Я сказал, откуда и куда направляюсь.

— Ого! — присвистнул вездеходчик. — По делу или так?

— Больше так, чем по делу. Гуляю, — объяснил я.

— Понятно. Это дело хорошее... — он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

— А я вон жмуриков везу, — он показал рукой с сигаретой на крышу будки, на привязанные мешки.

Я безразлично кивнул.

— Пошли в кунг, холодно тут стоять, чаю попьем, — пригласил он.

— Можно, — согласился я. — У меня там каша сварилась. Сейчас принесу, перекусим.

... — Ты не пугайся, он того... с катушек съехал, — в кунге вездехода кроме нас находился еще один человек. Он сидел в самом углу, крупно дрожал всем телом, кутался в какие-то тряпки, обматывал ими шею, ноги и постоянно их поправлял. Он ничего не произносил, лишь испуганно смотрел куда-то в сторону и жался в угол.

— Одна компания? — догадался я и показал взглядом на крышу.

Водитель кивнул.

— Попали в мороз, машина встала. Сожгли они ее полностью. Двое замерзли, а этот вот выжил... Только руки обморозил. Вчера их нашел, — вездеходчик угрюмо ел кашу и запивал чаем.

— Лучше уж очокуриться, чем так вот... — подвел он итог.

Лицо и одежда этого человека были сильно испачканы сажей, меховая шапка и торчавшие из-под нее волосы опалены. Взгляд его был направлен в пространство. Он смотрел в воздух, куда-то перед собой, смотрел испуганно и растерянно, будто видел там что-

то — что-то такое, что было видно только ему одному.

На нас он не обращал никакого внимания, его полностью занимало то, что он видел перед собою. Он не отрывал взгляда от этой точки и при этом стремился еще сильнее вжаться в угол будки, отталкиваясь от пола ногами.

... Я собрался, попрощался с вездеходчиком. Он что-то поправлял, чинил и уезжать пока не собирался.

Пристегнул сани, тронулся, прошел десяток метров и тогда позади себя услышал этот звук.

Между мной и вездеходом уже без тряпок, без шапки стоял босыми ногами на снегу тот обмороженный, сошедший с ума человек. Он смотрел прямо на меня и протяжно, заунывно выл.

Мне нравилось это место. Старый реактивный истребитель стоял на каких-то подпорках. словно ночью к нему подошли тихо, подставили эти деревянные чурбаки, свинтили шасси и растворились с ними в темноте.

Фонаря у самолета тоже не было. Жесткое кресло пилота погружало меня в переплетение вырванных проводов, рукояток и табличек с непонятными надписями.

Старая баржа, на которой стоял истребитель, была вытащена прямо на прибрежные камни. Отсюда было удобно наблюдать за входящими в бухту подводными лодками. Они входили медленно и осторожно, над ними летали чайки.

Мы с Артуром иногда переплывали на ту сторону бухты, где стояли небольшие дачные домики, росли в огородах помидоры, кусты с ягодами и абрикосовые деревья.

Еще на той стороне жили собаки. Собаки были совсем не злобные, но вялые и добродушные. Ворованные помидоры они не ели, зато мы с Артуром поедали за троих, и собаки ничего против этого не имели — они лежали возле нас и лениво шевелили хвостами.

Плыть через бухту было страшно. Самым опасным местом был широкий фарватер, по которому довольно часто ходили катера и тральщики. Носовая и средняя часть кораблей была выкрашена в серый цвет, а корма была полностью черной.

Артур плавал лучше меня, он был старше лет на пять. Поэтому он первый доплывал до середины фарватера, оглядываясь по сторонам и махал мне рукой, если путь был свободен. Тогда я спешил к нему, отчаянно махая руками и двигая ногами, — плыл что есть сил. Когда опасное место было пройдено, остаток пути мы плыли на спине, отдыхали.

Берег на той стороне бухты был не пологий, как на нашей, но уходил обрывом на несколько метров в глубину. Вода прозрачная, и сквозь нее было хорошо видно, как возле дна плавают толстые рыбы зеленушки.

Мы жили на краю полуострова, недалеко от обрыва и последних скал, выходящих в открытое море. Домики белого кирпича находились на территории училища, но по каким-то причинам не использовались и пришли в негодность. Мы с Артуром обосновались в одном из этих домиков: заделали крышу и окна, нашли

и притащили железную кровать-сетку — она отменно пружинила, и часто мы прыгали на ней, как на батуте.

Мне и себе Артур соорудил гамак. Ночами было влажно и зябко, но у нас было три синих армейских одеяла. Не помню, где мы их стащили, но размер позволял завернуться в них с головой — получалось тепло.

Пришли мы сюда весной. Деревья были еще голые, а вся территория училища с утра до вечера была наполнена курсантами, мичманами и офицерами в черных кителях. Матросы постоянно ходили туда-сюда строем. Звучали команды, иногда играла музыка.

... Это место было учебным пособием. Старый истребитель, рубка подводной лодки, торпеды и глубинные бомбы, большой кусок борта корабля, гребные винты в два моих роста. Рядом лежали ржавые якоря, кучи железа; над обрывом, рядом с баржей, стоял наблюдательный пункт — корабельная рубка с прожекторами.

Артур днями часто пропадал где-то, приходил уставший и осунувшийся, руки в мозолях и ссадинах.

Кроме кроватей и одеял у нас были два белых пластиковых ведра — в одно мы складывали крабов, а в другом солили кефаль. Крабов мы ловили почти возле домика — за обрывом, под камнями, их было много. Коричневые, с ладошку размером, они неуклюже передвигались боком и больно хватали за палец. Я любил ловить больших крабов — у них были уже тупые клешни, и палец они сжимали сильно, но не больно. За кефалью надо было идти довольно далеко — огибать полуостров и выходить почти к причалу возле пляжа «Солнечный».

На рейде у пляжа часто стояли парусные яхты. Я подплывал к ним и нырял — перебирая руками, опу-

скался в глубину по якорному тросу. Обычно мой путь в глубину заканчивался там, где кончается длинный плавник — противовес яхты. Я отпускал трос, подплывал к плавнику и некоторое время держался за его железный низ, вглядываясь в темно-зеленую глубину. Смотреть туда было страшновато. Солнце косыми лучами проникало в воду — от волн на поверхности лучи переливались, они стремились пронзить всю толщу воды, но до дна не доставали, и таинственная бездна оставалась такой же таинственной и непроглядной. Воздух заканчивался, я отталкивался и устремлялся к поверхности, по пути выпуская его из легких. Пузырьки воздуха поднимались к поверхности вместе со мной и приятно щекотали лицо.

... Кефаль похожа на селедку. Только лоб у кефали приплюснут и глаза расставлены более широко. Я ловил ее обычной удочкой на кусочки крабьего мяса. Если подходила стая, то за полчаса можно было наловить столько рыбы, что идти с ней домой было уже тяжело.

Я сидел на причале, как обычно удил рыбу, когда ко мне подошел какой-то незнакомый мальчишка, наверное, из отдыхающих. На плече у него висели ласты и маска с железной дыхательной трубкой. Он присел рядом и стал смотреть, как я вытаскиваю из воды блестящую кефаль. Она билась еще немного в сумке, а потом затихала.

— Дашь мне попробовать? — спросил он у меня.

Я протянул удочку и банку с мертвым крабиком.

— А краб зачем?

— Вот так отрываешь кусочек и насаживаешь на крючок, — показал я ему.

Он вытащил из воды сверкающую на солнце рыбу — приличную по размеру кефаль, такую называют лобаном.

— Дашь маску поплавать? — спросил я.

— Бери вместе с ластами. Умеешь?

— Конечно! — ответил я.

Через стекло маски под водой открывается целый мир, невесомый, резкий и объемный. Глубина уже не страшна, уже видно камни на дне и темные пятна водорослей. Ласты придали мне такую скорость, что просто захватывало дух от открывшейся передо мной свободы передвижения в этом необычном подводном мире.

... Я заметил на дне странной формы камень. Он лежал наполовину в песке и привлекал внимание. Я уперся в дно ногами и вытащил его, освободив от водорослей. Вертикальные стабилизаторы почти не сохранились, корпус был сильно поеден ржавчиной. Я почти сразу узнал ее. Это была минометная мина. Она была длиной с мою руку от локтя до пальцев и довольно тяжелая.

Воздух в легких закончился. Я торопливо положил мину на песок и поднялся к поверхности. Глубина была не больше шести-семи метров, я лежал на поверхности воды, дышал через трубку и смотрел на мину, стараясь не потерять ее из вида. Из носа от перепада давления пошла кровь.

Снова нырнул, подобрал и осторожно, чтобы не задеть о камни и не уронить, поплыл на спине к берегу.

Я положил мину на прибрежные валуны, снял маску и ласты и направился к пляжу. Там лежала кверху

дном бело-красная лодка и лениво прогуливался дядька в панаме — спасатель.

Поднялся шум. Из училища тут же прибежали какие-то люди в форме. Я стоял поодаль с маской и ластами. Того мальчишку, что дал их мне, увела испуганная женщина. Я махал мальчишке рукой, а он, в свою очередь, пытался ей что-то сказать. Но женщина даже не слушала его, она просто тащила его за руку к выходу с причала. Я подумал, что оставлять чужие вещи здесь не стану — все равно кто-нибудь заберет, — а при случае, если встречу того паренька, отдам ему ласты и маску.

Уже был вечер, уехали водолазы и милиция, улегся переполох, когда я вышел на причал и забрал оттуда свою удочку. На крючке сидела рыба.

Того мальчишку я никогда больше не встретил.

Летом училище опустело. Не стало матросов и курсантов, пропали куда-то офицеры в черных брюках и рубашках желтоватого цвета.

Но для тех военных моряков, которые остались на лето в училище, столовая продолжала работать. И так же продолжала работать там одна женщина, которая помогала нам с Артуром. Она давала нам хлеб, вареную картошку, окатывала кипятком крабов, иногда приносила конфеты и разные вкусные кусочки, оставшиеся от обедов военных. Я таскал ей свежую кефаль.

Порой она приходила к нам и разговаривала с Артуром.